

Это заставило его вспомнить своё далёкое от идеала детство, жёсткий распорядок дня, где даже время сна было расписано по секундам. Если он ошибался хотя бы на одну ноту во время игры на фортепиано, на его голени появлялся тонкий шрам от удара прутом. Он никогда не испытывал настоящего детства. Единственное счастливое воспоминание того времени — когда он однажды вернулся в Пекин и жил в одном из ещё не снесённых дворов-«сыхэюаней». Во дворе росла абрикосовое дерево, усыпанное ярко-жёлтыми плодами. Каждый день туда приходили дикие кошки, чтобы полакомиться упавшими фруктами. Учитель его матери, добродушный старик лет семидесяти-восемидесяти с седыми волосами, однажды, в порыве веселья, собрал всех соседей, включая его, под деревом. Они расстелили чистую белую ткань и с помощью длинного бамбукового шеста сбивали спелые плоды, чтобы потом разделить их между собой. Все заботились о нём, давая самые спелые и вкусные абрикосы. В тот день Син Янь не занимался игрой на фортепиано, и, что удивительно, мать даже не стала его ругать. Он тайком положил в карман один недозревший зелёный абрикос, который случайно упал, и во время занятий клал его на крышку инструмента. В те дни он был по-настоящему счастлив. К сожалению, до того как зелёный абрикос успел пожелтеть, добрый старик ушёл из жизни, и они покинули тот двор.

В сердце Син Яня был мягкий, тёплый уголок, который в эти минуты ожидания начал напоминать о себе. Он искренне желал, чтобы у Ню-ню было счастливое детство, чтобы, повзрослев, она вспоминала только радостные моменты, а не так, как он, у которого в воспоминаниях преобладали ругань и боль.

В лестничной клетке раздались шаги, и свет на этажах начал загораться один за другим. Ню-ню, услышав звуки, отреагировала быстрее него. Она поднялась, потирая глаза, и первым делом спросила:

— Мама вернулась?

Затем подняла голову и, сонно глядя в сторону лестницы, увидев поднимающегося человека, закричала:

— Мама!

И начала вырываться из рук Син Яня.

Женщина, поднимавшаяся наверх, выглядела лет на двадцать с небольшим, даже моложе его. Она была одета в выстиранную дочиста белую рубашку и чёрные брюки, вероятно, рабочую форму. Услышав неожиданное «мама», она сначала опешила. Ню-ню подбежала к ней и бросилась в объятия. Женщина, наконец, осознала происходящее, присела, чтобы обнять дочь, и с упрёком спросила:

— Почему ты так поздно на улице? Где бабушка?

Ню-ню с обидой ответила:

— Бабушка спит, дверь закрыта, я не могла войти.

Звук телевизора доносился даже до лестничной клетки, она не могла этого не слышать. Когда женщина подняла дочь, её лицо выражало гнев, но, заметив стоящего рядом Син Яня, она тут же насторожилась и спросила:

— Кто ты?

Син Янь, прижавшись к стене, начал неуверенно объяснять:

— Я... живу наверху... на крыше...

Чем больше он говорил, тем больше подозрений вызывал. Женщина, судя по всему, уже готова была считать его преступником.

Син Янь опустил голову. Ню-ню, обнимая шею матери, объяснила:

— Это А-Янь, мой друг.

— Правда? — её подозрения не уменьшились, а, наоборот, усилились.

Ню-ню серьёзно кивнула:

— Мы только что смотрели звёзды на крыше и ели мороженое.

Ребёнок, наивный и доверчивый, не понимал тревоги матери, просто хотел рассказать, что делал сегодня и с кем подружился.

Материнский инстинкт подсказывал ей, что этот мужчина не заслуживает доверия. Син Янь, под её взглядом, опустил голову, что только усилило её подозрения. Она взяла Ню-ню на руки, прошла мимо Син Яня, достала из сумки ключи и быстро вошла в квартиру, захлопнув дверь.

Перед тем как дверь закрылась, Ню-ню, улыбаясь, сладко сказала:

— Пока!

Син Янь собрался с духом, улыбнулся и помахал ей рукой, но не успел ничего сказать, как дверь с силой захлопнулась.

Затем он услышал, как внутри начался скандал. Женщина кричала на спящую бабушку, но через две двери он не мог разобрать слов.

Син Янь, держась за перила, поднялся наверх, чувствуя себя опустошённым. Глубокая усталость охватила его.

Когда он поднялся, Хэ Ци сидел на том же месте, подпирая голову рукой, с безразличным выражением лица. Увидев его, он помахал, чтобы тот подошёл.

Син Янь подошёл и сразу понял, зачем его позвали.

Крики с нижнего этажа доносились до них через балкон. Бабушка говорила на диалекте, тихо, и Син Янь не мог разобрать слов. Женщина говорила на путунхуа, и в её голосе звучали слёзы, как будто она была глубоко обижена. Син Янь спросил, что происходит, почему та, кого ругают, не плачет, а та, которая ругает, плачет.

Хэ Ци объяснил ему:

— Молодая пара внизу познакомилась несколько лет назад, работая здесь. После рождения ребёнка они сняли квартиру. Муж привёз сюда свою мать, чтобы та помогала с ребёнком. Бабушка, оказавшись здесь, была недовольна жизнью и постоянно уговаривала сына вернуться в родной город, чтобы жениться. Она называла невестку «проклятием» и говорила, что она принесёт семье несчастье. Ты слышишь, она говорит тихо, но не представляешь, насколько её

слова ядовиты.

Син Янь широко раскрыл глаза, явно шокированный. Хэ Ци продолжил:

— Эта бабушка снаружи играет роль доброй старушки, всем рассказывает, как тяжело ей приходится дома, как она всё делает сама, чтобы не утруждать невестку. Но за закрытыми дверями она превращается в монстра. Недавно, когда солнце палило так, что кожа слезала, она спала дома, оставив девочку одну на улице. В конце концов, её вернул домой хозяин квартиры. Я подозреваю, что, когда ты стучал в дверь, она притворилась спящей.

Увидев, что Син Янь буквально потерял дар речи, Хэ Ци добавил:

— Так что не связывайся с этой семьёй. Я сам видел, как эта бабушка вылила какую-то жидкость на одеяло, которое сушилось на балконе внизу. Ты никогда не знаешь, на что способен такой человек.

— И ещё...

Хэ Ци, направляясь в комнату, остановился и в последний раз сказал Син Яню:

— Если бабушка узнает, что ты тот самый бродяга, который стоял под фонарём по ночам, будет плохо. Недавно она уже жаловалась на тебя хозяину, говорила, что вызовет полицию. Хотя ты внешне изменился, будь начеку, осторожней.

— Как жалко...

Хэ Ци уже собирался войти в комнату, когда услышал этот тихий возглас. На мгновение он подумал, что ослышался, но, обернувшись, увидел, что Син Янь смотрит с глубокой печалью, почти готовый заплакать, и тихо произнёс, словно сам с собой:

— Как тяжело жить в такой семье...

Хэ Ци, не зная почему, вдруг разозлился. Он резко повернулся к Син Яню и сердито бросил:

— Сначала подумай о себе, дурак!

С этими словами он вошёл в комнату, выключил свет и лёг спать, всё сделал одним махом, оставив Син Яня одного на крыше.

В одиннадцать вечера Хэ Ци обычно не выключал свет. Он играл в компьютерные игры, смотрел что-то на телефоне и только потом засыпал. Син Янь лежал на кровати, глядя на спину Хэ Ци, и в темноте неуверенно спросил:

— Ты злишься?

— Кончай! — Хэ Ци, не оборачиваясь, крикнул:

— Вечно ты спрашиваешь, злюсь ли я. Я что, рыба фугу?

— Почему злиться — это рыба фугу? — даже в такой момент он не мог удержаться от вопроса.

— Потому что рыба фугу всегда «надутая»! — Хэ Ци, несмотря на злость, всё же ответил.

— Ты злишься? — спросил Син Янь.

— Нет! — ответил Хэ Ци. — С чего бы мне злиться?

Его тон говорил об обратном.

В полутьме комнаты глаза Син Яня светились. Он смотрел на кровать, на спину Хэ Ци, и в душе его царил необычный покой. Сегодня произошло слишком многое, и только сейчас его сердце, будоражившееся весь день, наконец успокоилось. Дыхание Хэ Ци было неровным, он явно не спал, его что-то беспокоило. Син Янь никогда не считал себя проницательным, напротив, в вопросах чувств он был крайне невнимателен. Но когда дело касалось Хэ Ци, он мог читать его эмоции по малейшим изменениям в выражении лица, случайным поднятиям бровей, жестам и даже вздохам. Когда Хэ Ци становился его «объектом исследования», Син Янь становился чувствительным и уязвимым.

<http://bllate.org/book/16327/1473841>